

Е.А. Ерохина*

E.A. Erokhina*

**Институты публичной памяти
в дискурсивном пространстве
неотрадиции: новосибирский кейс****Institutes of Public Memory
in the Discursive Space of Neotradition:
The Novosibirsk Case**

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-5

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-5

УДК 316.93

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Ерохина Е.А. Институты публичной памяти в дискурсивном пространстве неотрадиции: новосибирский кейс // Исторический курьер. 2022. № 1 (21). С. 45–54. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-05.pdf>

Erokhina E.A. Institutes of Public Memory in the Discursive Space of Neotradition: The Novosibirsk Case // Historical Courier, 2022, No. 1 (21), pp. 45–54. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-05.pdf>]

Abstract. The purpose of the article is to assess the role of public memory institutions in the space of neo-tradition. Neo-tradition is understood as a means of identification and form of concern for the present and future, existing in the “gray zone” between myth and logos. The article draws an analogy between individual and collective memory structures with the logos of historical science and mythological consciousness. Reflecting on the role of museums as institutions of public memory, their ability to transform heritage into a tool for mobilization and practical action is emphasized. The growth of private and public museum initiatives testifies to the need of modern man to “root” and comprehend history by non-rational means. It is argued that the loss of the monopoly of historical science to comprehend the past is due to the subordination of the social order of modern society to the imagination. On the example of two cases from Novosibirsk, it is shown how, in the discursive space of neo-tradition, heritage becomes a resource for social development.

Keywords: public memory, neotradition, social institutions, museum, urban space, Novosibirsk.

The article has been received by the editor on 01.12.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Целью статьи является оценка роли институтов публичной памяти в пространстве неотрадиции. Неотрадиция осмысливается как способ обретения идентичности и форма заботы о настоящем и будущем, существующая в «серой зоне» между мифом и логосом. В статье проводится аналогия индивидуальных и коллективных структур памяти с логосом исторической науки и мифологическим сознанием. Осмысливая роль музеев как институтов публичной памяти, подчеркивается их способность трансформировать наследие в инструмент мобилизации и практических действий. Рост частных и общественных музейных инициатив свидетельствует о потребности современного человека в «укоренении» и постижении истории внерациональными средствами. Утверждается, что утрата монополии исторической науки на постижение прошлого обусловлена подчиненностью социального порядка современного общества воображению. На примере двух новосибирских кейсов показано, как в дискурсивном пространстве неотрадиции наследие становится ресурсом общественного развития.

Ключевые слова: публичная память, неотрадиция, социальные институты, музей, городское пространство, Новосибирск.

* Ерохина Елена Анатольевна, доктор философских наук, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: leroh@mail.ru

Erokhina Elena Anatolievna, Doctor of Philosophy Sciences, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: leroh@mail.ru

Институциональные трансформации постсоветских лет усилили запрос на формирование практик преодоления «травмы» модернизации, социального отчуждения и аномии. Наблюдая падение влияния идеологии и политики на формирование солидарных связей, восстановление семейно-родовых и этнических, локальных и региональных форм идентичности, невозможно игнорировать ту роль, которую играют структуры коллективной памяти в социальной самоорганизации современного российского общества. Наследие и его институты имеют первостепенное значение в ситуации коллективной мобилизации, требующей четких критериев групповой идентификации. Так, память становится источником коллективных представлений о прошлом, а история – ресурсом его разнообразных интерпретаций.

Другой предпосылкой обращения к институтам наследия является экзистенциальное стремление к «укорененности» в стремительно меняющемся мире. Мотив обретения мироцелостности неразрывно связан с идеей достижения некоего скрытого знания о собственной природе, обнаружения некоей сущности, проступающей, несмотря на многообразие исторических ее проявлений, в поступках и действиях людей. Наконец, расширение горизонтов социального сравнения и распространение научных фактов об историческом прошлом позволяют «примерить» социальные роли, присущие структурной диспозиции различных исторических эпох.

Такой интерес к прошлому был бы невозможен без массового образования и повышения доли свободного времени в бюджете времени современного горожанина. Желание стать персонажем «реальной» истории исследователи, работающие в рамках методологии *public history*, рассматривают как один из способов исторического познания¹. Методология *public history* признает ценность внерационального опыта постижения истории. Если рациональное познание, опирающееся на авторитет методов исторической науки, имеет целью достижение общезначимой научной истины, то чувственный и иррациональный опыт участия в разнообразных неакадемических практиках постижения истории индивидуализирует представления о ней. Утрата академией монополии на прошлое допускает равнозначность рациональных и внерациональных форм познания с позиции трансдисциплинарности. Образцам научной рациональности, культивируемой академическими субъектами, противопоставлен индивидуальный опыт участия «профанов» в традиционных, по М. Веберу, действиях, конституирующих солидарность и принадлежность к коллективу. При этом выбор лояльности может быть достаточно произвольным, осуществляться из веера возможных «примордиальных» и «вымышленных» сообществ, требовать участия в коллективных ритуалах и исторических реконструкциях.

Обращаясь к причинам таких изменений, важно отметить более общую тенденцию трансформации отношений между наукой и обществом. Впервые в истории благодаря науке человеческое общество не рассматривает социальный порядок как нечто неизменное. Благодаря исследованиям П. Бергера и Т. Лукмана, К. Касториадиса и Ч. Тейлора, Б. Андерсона и Ш. Джасанов утвердилось представление о том, что наука, в том числе историческая, выступает источником социальных изменений². Степень подчиненности современного мира воображению не знает аналогов в прошлом. То, как люди, используя научные, в том числе социальные теории, представляют себе свое положение, формирует социальные ожидания и основанные на них нормативные предписания.

¹ Зорин А.Л. «Не бывает мифов правильных и неправильных, но бывают мифы продуктивные, а бывают – злобедные». Интервью с А.Л. Зориным // Историческая экспертиза. 2018. № 1. С. 363.

² Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995; Касториадис К. Воображаемое установление общества. М., 2003; Тейлор Ч. Что такое социальное воображаемое? // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2010. Т. 1, № 69. С. 19–26; Jasanoff Sh. Imagined and Invented Worlds // *Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power*. Chicago; London, 2015. P. 321–342.

Концепт неотрадиции как нельзя более уместен в ситуации необходимости произвести переоценку наследия как фактора общественного развития. Здесь и далее мы опираемся на теоретическую концепцию, предложенную новосибирскими этносоциологами С.А. Мадюковой и Ю.В. Попковым, которые рассматривают неотрадиционализм как феномен современного общества, в рамках которого потребность людей манифестировать посредством коллективных ритуалов свою принадлежность к определенному сообществу удовлетворяется рефлексивным, индивидуально мотивированным действием³. В настоящей статье с позиции социокультурного неотрадиционализма будет рассмотрен механизм взаимодействия индивидуальных и коллективных структур публичной памяти в современном обществе на примере общественных инициатив жителей города Новосибирска.

В пространстве неотрадиции соединение мифологического и логического, памяти и знания создает критическую массу коллективных представлений политического (политика памяти), религиозного (сакрализация наследия), локального (местный патриотизм), поколенческого (биографическая память), семейного (родство и этничность) и иного характера. В дискурсивном пространстве неотрадиции, где интерпретации прошлого и настоящего оказываются источниками проекций будущего, разворачивается острая состязательность между разными субъектами, конкурирующими за право высказываться и/или навязывать остальным свой особый взгляд.

Особенно интенсивно эта конкуренция проявляется на региональном и муниципальном уровнях, где у государства появилась реальная альтернатива в лице религиозных, коммерческих, гражданских проектов. Новосибирск, развитие которого сопровождается сегодня невиданным взлетом общественных инициатив, направленных на развитие институтов наследия, предлагает яркие музейные проекты, которые становятся влиятельными площадками для использования «исторического» ресурса в целях продвижения «местных» интересов.

Выбор эмпирических объектов исследования – «мест памяти» новосибирцев – обусловлен интересом к институтам публичной памяти, автономным от влияния государственных структур и религиозных общин, воздействия событийных факторов. Поэтому в статье речь пойдет о частных инициативах общественного (некоммерческого и негосударственного) характера. Отбор осуществлялся также с учетом современности проектов (рубеж XX и XXI вв.).

Самое крупное муниципальное образование в азиатской части России переживает в начале XXI в. интенсивное расширение пространства публичной памяти. Несмотря на «запоздалое» включение в данный процесс (в сравнении с крупными городами Европейской России и Урала), у новосибирцев есть определенные перспективы с точки зрения их развития. Для этого есть все необходимые условия. Во-первых, это экономический потенциал, существующий благодаря диверсификации отраслей городского общественного производства. Он позволяет поддерживать определенную бюджетную устойчивость и развивать публичные институты. Во-вторых, наличие большого количества игроков в пространстве публичной памяти – федеральных (парк «Россия – моя история»), региональных (Новосибирский государственный областной краеведческий музей), муниципальных (музей Новосибирска) и частных – способствует конкуренции между ними, а значит, и росту качества самих институтов.

Следуя определениям Томислава С. Шолы, публичная память является способом организованного использования наследия в специфических интересах данного общества⁴. В таком понимании институты публичной памяти, например архивы, библиотека, музеи, оказываются составной частью публичной истории, которая «всегда живет в ... маятнике между изучением истории и самим этим бытованием в ней и переживанием»⁵.

³ Мадюкова С.А., Попков Ю.В. Феномен социокультурного неотрадиционализма. СПб., 2011. С. 105.

⁴ Шола Т. Мнемософия. Эссе о науке публичной памяти. Ростов Великий, 2017. С. 43–44, 77.

⁵ Зорин А.Л. «Не бывает мифов правильных и неправильных, но бывают мифы продуктивные, а бывают – зловредные»... С. 363.

«С одной стороны, публичная история понимается как изучение памяти, а с другой стороны – как воздействие на нее»⁶. Такую характеристику публичной истории как «ничьей земли» вполне можно отнести и к публичной памяти, хотя ее институты гораздо древнее, чем современность. Обращаясь к структурам коллективной памяти современного общества, мы без труда выделяем два его очевидных полюса – мифологический (архетипический) и собственно логический, понимаемый в данной статье как ориентированное на стандарты научной рациональности историческое знание. Неотрадиция невозможна вне включения научных знаний в архетипические структуры коллективной памяти, вне обеспечивающих работу коллективного воображения институтов массового образования и современных средств массовой коммуникации.

Переходя от выявления необходимых к определению достаточных условий развития институтов публичной памяти, следует отметить как минимум еще два фактора: долговременность и осознание самими горожанами ценности своего поселения. Иными словами, речь идет о наличии или отсутствии «гения места». Совершенно очевидно, что Новосибирск как самый молодой из сибирских городов «проигрывает» в этом состязании и «старым» сибирским городам (например Томску, Иркутску, Барнаулу), и национальным республикам Южной Сибири (Алтаю, Хакасии, Туве, Бурятии). Как показали исследования Е. Красильниковой, жители Новосибирска испытывают потребность в обнаружении таких символов городского пространства, которые позволили бы усилить ощущение связи с «местом», преодолеть чувство неудовлетворенности от жизни в «безликом» пространстве⁷.

Существует множество способов повышения символического статуса места. Собственные исследования автора в Республике Алтай, осуществленные в 2006–2019-х гг., позволяют утверждать, что интерес к историко-культурному наследию региона «извне» повысил престижность принадлежности местных жителей к коренному и старожильческому населению. Интерес к Алтаю как «месту силы» подпитывался распространенным представлением о нем как о родине шаманизма, анклав старобрядчества и источнике творческого вдохновения семьи Рерихов. Наплыв туристов, преодоление локальной замкнутости поселений, свойственной всем регионам с преимущественно сельским населением, усилили интерес местного населения к наследию региона, обычаям и традициям его народов⁸.

Исследуя персональные и событийные фигуры этнического пантеона славянских и тюркских народов Большого Алтая социологическими методами, нам удалось выявить «серую» зону между памятью и знанием. Составляющие ее элементы сформированы под влиянием профессиональных экспертно-ориентированных институтов коммуникации (наука, литература, медиа) и имеют черты хронологического нарратива, несводимого ни к мифу, ни к специализированному знанию.

В пользу такого заключения позволяют говорить следующие аргументы. Во-первых, исторические представления, которыми оперировали респонденты, имели четкую «привязку» к научной периодизации. Во-вторых, реальные персонажи доминировали над эпическими фигурами воспоминаний. В-третьих, само стремление установить связи между событиями не по ассоциативному (одно после другого), а по каузальному принципу (причина–следствие) свидетельствует о том, что исторические знания транслируются со специализированного уровня в общественное пространство со сложившимися представлениями о нормах научной деятельности.

Вместе с тем избыточность ангажированных интерпретаций при явном дефиците рациональных аргументов у респондентов еще раз убеждает в глубокой связи публичной памяти с мифом о «нашем происхождении» от «предков»/«отцов-основателей», генетических или

⁶ Зорин А.Л. «Не бывает мифов правильных и неправильных, но бывают мифы продуктивные, а бывают – зловердные»... С. 363.

⁷ Красильникова Е.И. Мемориальное пространство в исторической динамике (1893–2000 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 61. С. 32.

⁸ Ерохина Е.А. Этноконфессиональный ландшафт Республики Алтай: глобальные вызовы и локальные ответы // Oriental Studies. 2020. Т. 13, № 2. С. 446.

духовных предшественников. Желание поддерживать эмоционально-ассоциативные связи, на которых базируется чувство солидарности, глубоко укоренено в архетипе коллективного «мы», включающем позитивные для групповой идентичности представления о подвиге, героизме или жертвенности⁹. Хотя выборка конкретно-социологического исследования ограничивалась учащейся молодежью одного региона – Республики Алтай, представляется, что полученные выводы можно экстраполировать на другие регионы и группы населения¹⁰. Главный результат этого исследования можно сформулировать следующим образом. По мере того как процесс воспроизводства научных знаний выходит за пределы академической науки, вовлекая в него так называемых «профанов», сама наука все более включается в конструирование символов общественного и гражданского активизма.

Институты публичной памяти, организующие использование наследия, выступают посредниками во взаимодействии науки и общества. Ключевой институцией наследия, воплощающей возможности истории как «практической» науки, был и остается музей¹¹. Его первичная функция заключалась в сборе, хранении и консервации материальных артефактов и документов памяти. Важной функцией музея долгое время оставалась и репрезентация памяти. Однако современность внесла существенные изменения и здесь, превратив музей в пространство репрезентации наших интерпретаций прошлого. Идеал объективной универсальности поставлен под сомнение креативной индустрией и постмодернистским многоголосием. Более того, в цифровую эпоху музей может существовать даже без своего главного атрибута – фонда.

С другой стороны, укорененность наследия в структурах коллективного «мы» позволяет осуществлять быструю мобилизацию общественных субъектов вокруг институтов публичной памяти. При этом оказывается проницаемой граница между историческим знанием, взыскующим научной истины, и исторической памятью, ищущей «правды» как некоей искупительной жертвы или экзистенциального ответа на предельные вопросы. В конечном итоге именно «компетентные» посетители выносят вердикт музейным профессионалам по поводу того, «так ли это было на самом деле» или нет. Чем меньше дистанция между репрезентируемой эпохой и современностью, тем острее споры по поводу адекватности интерпретации. В этих дискуссиях индивидуальные воспоминания и мнения историков имеют равнозначный аргументационный потенциал.

Исходя из принципиальной оппозиции памяти как семиотической системы и институциональной среды как внесемиотической реальности, предложим следующую классификацию этих отношений: 1) «мы» и пространство (локальная идентичность); 2) «мы» и время (память поколений); 3) «мы» и «другие» («примордиальные» связи). В музейном пространстве Новосибирска легко обнаружить «места памяти», атрибутируемые особыми отношениями с локацией, поколением и социальным родством. Среди их множества нами, в соответствии с предложенными ранее критериями, были выбраны два современных музейных проекта, каждый из которых появился в постсоветский период в результате общественных инициатив горожан: Интегральный музей-квартира Академгородка и проект по спасению

⁹ *Ерохина Е.А.* Коллективная память в этническом самосознании горноалтайской молодежи // Социологические исследования. 2009. № 3 (299). С. 120.

¹⁰ Опрос в РА 2007 г. проводился методом непропорциональной стратифицированной выборки, где в качестве страт выступали этнические общности. Объект исследования – учащаяся молодежь – старшеклассники и студенты среднепециальных и высших учебных заведений. Массовый опрос осуществлялся в городской и сельской местности Горно-Алтайск, Усть-Канский и Усть-Коксинский районы РА). Опрос репрезентативен по полу, возрасту, месту проживания в выборке из 625 молодых людей старше 14 лет (272 русских и 290 представителей коренных народов Алтая или алтайцев алтай-кижи, телеутов, тубалар, кумандинцев, челканцев, теленгитов, шорцев).

¹¹ *Репина Л.П.* Наука и общество: публичная история в контексте исторической культуры эпохи глобализации // Ученые записки Казанского университета. Т. 157. Гуманитарные науки. Кн. 3. Казань, 2015. С. 59; *Чуркин М.К.* Публичная история в России как исследовательское направление в обстоятельствах «культурного поворота» начала XXI века: стратегии и практики // VI Ядринцевские чтения: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2021. С. 98.

дома, в котором жила одна из самых ярких представительниц сибирского рока Яна Станиславовна Дягилева (Янка).

Интегральный музей-квартира повседневности Академгородка был задуман, по признанию его основательницы Анастасии Германовны Близнюк, в память об отце, Германе Петровиче Безносове. Биография ее родителей, как и жизнь многих других представителей молодого поколения сибирской науки 1960-х гг., оказалась связанной со становлением Новосибирского научного центра (ННЦ), развитием его общественной и политической жизни. Светлана Павловна Рожнова, мама основательницы музея, была одной из подписантов «Дела 46». Имя Германа Безносова неразрывно связано с деятельностью клуба «Под интегралом», организацией первых конкурсов красоты и другими досуговыми мероприятиями Академгородка. Память о советской повседневности 1960–1970-х гг., увековеченная в предметах и документах, аудиовизуальных записях воспоминаний очевидцев, «оживает» в перформативных событиях, имеющих целью не только рассказать о прошлом, но и создать определенную атмосферу, нагруженную символами, ассоциативно связывающими историю Академгородка как «места силы и свободы» с достижениями советской науки, с периодом хрущевской оттепели, с особого рода «сибирячеством». Эта особость присутствует как сплав локального, конституирующего отличительность Академгородка в городском пространстве Новосибирска, и глобального, благодаря статусу ННЦ как признанного центра мировой науки.

В контексте обсуждения роли неотрадиции в процессе производства «мест памяти» чрезвычайно интересны следующие особенности деятельности Интегрального музея. Во-первых, память об обычных людях, сотрудниках Сибирского отделения АН СССР и жителях Академгородка, соседствует с памятью о его «отцах-основателях», директорах научных институтов, руководителях научных школ и направлений. Во-вторых, все вещи в музее доступны для использования: к ним можно прикоснуться, брать их в руки, употреблять по назначению. В-третьих, в практиках Интегрального музея важны перформативные методы взаимодействия с посетителями: ретродефиле, выезды на другие интерактивные площадки, участие в массовых мероприятиях, в том числе исторических реконструкциях. Наконец, скрупулезность в подходе к сбору и атрибуции материала совмещается с определенной ироничностью в его презентации. Так, например, открытие музея в 2014 г. состоялось в стиле дня рождения советских лет и получило название «Дня приоткрытых дверей»¹².

Интегральный музей – один из элементов дискурсивного пространства неотрадиции, конституирующей «локальный авторитет», основанный на сплаве традиции, «укорененной» в семье и родстве, памяти нескольких поколений жителей Академгородка, символах сибирской науки, олицетворяемой ее «отцами-основателями», с одной стороны, и современности (проект «Академгородок 2.0», «Новосибирск – научная столица России»), с другой¹³. «Локальный авторитет» ННЦ восходит к памяти о хрущевской оттепели, одним из плодов которой стало создание Сибирского отделения РАН его «отцами-основателями»: М.А. Лаврентьевым, С.А. Христиановичем, С.Л. Соболевым. Вокруг этого факта в настоящее время существует несколько идеологем, среди которых самыми принципиальными для идентичности локального сообщества являются следующие: 1) Академгородок – это наукоград в сибирской тайге, где свершаются открытия мирового уровня; 2) Академгородок – это пространство свободы, ассоциируемое с инакомыслием («Дело 46», бардовский фестиваль 1968 г., «Новосибирский манифест»); 3) Академгородок – это воплощение «треугольника Лаврентьева», принципа соединения науки, образования и производства.

¹² Рубинштейн Т.Г., Близнюк А.Г. Материалы «Интегрального музея-квартиры повседневности Академгородка» как источниковая база для изучения истории новосибирского Академгородка [Электронный ресурс] // Интерактивное образование. Электронная газета. 2017. № 74. URL: <http://io.nios.ru/articles2/92/15/materialy-integralnogo-muzeya-kvartiry-povsednevnosti-akademgorodka-kak> (дата обращения: 09.11.2021).

¹³ Запорожченко Г.М. Публичная память о лидерах сибирской науки (вторая половина XX – начало XXI века) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2021. № 2 (16). С. 11. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-2-01.pdf> (дата обращения: 09.11.2021)

Последняя из этих идеологем эксплуатируется наиболее активно разработчиками проекта «Академгородок 2.0»¹⁴.

С позиции центра принятия решений, удаленного от реалий региональной науки, локальная субъектность новосибирского Академгородка выглядит как некое излишество и даже «предрассудок» тех социальных агентов, которые идентифицируют себя с местным сообществом. В анамнезе самого успешного постсоветского технопроекта, «Сколково», уже лежит другой технополис, «Стэнфорд», современник новосибирского Академгородка. Последний, таким образом, видится из «центра» вторичным феноменом для любого менеджера, незнакомого с его прошлым и настоящим. Соответственно, опора на «локальный авторитет», силу идентичности и традиций предполагает легитимацию «низовых» институтов, чей символический капитал работает на репутацию Академгородка. Обращение к «локальному авторитету» наследия показывает способность периферийных сообществ отстаивать право на самоуважение, признание вклада в «большую науку» и, в конечном счете, способствовать преодолению отчуждения, вызванного глобальным и региональным неравенством¹⁵.

Авторитет наследия нередко оспаривается и в среде местного сообщества, особенно в тех случаях, когда «спорщики» оказываются связанными с группами интересов, основанных на материальной выгоде. Одной из самых типичных ситуаций в градостроительной практике является конфликт интересов застройщика и местных жителей, которые хотят сохранения существующего облика своего квартала. Нередко местное население прибегает к значимости наследия как к важному аргументу сохранения статус-кво. Случай с домом по адресу ул. Ядринцевская, 61 является уникальным в своем роде. Этот дом в «тихом» центре – один из немногих сохранившихся в окружении многоэтажек строений частного сектора. Большинство из них пришли в ветхость, и городскую территорию под ними было решено передать под многоэтажную застройку. Именно тогда, в начале 2010-х гг., оформилась инициативная группа, вокруг которой сплотилась общественность с намерением сохранить дом на перекрестке улиц Ядринцевской и Семьи Шамшиных.

Дом, который первоначально использовался как торговая лавка, представляет собой один из немногих сохранившихся образцов массовой одноэтажной деревянной застройки Новониколаевска начала XX в. Именно это обстоятельство предопределило его невысокую архитектурную ценность в глазах экспертов. Об этом здании до начала упоминаемых событий было лишь известно, что там с 1966 по 1991 г. жила Яна Станиславовна Дягилева, яркий представитель сибирского экзистенциального панка, трагически погибшая при невыясненных обстоятельствах. Инициаторам музейного проекта по увековечению ее памяти удалось установить на доме памятную доску, внести дом в список выявленных объектов наследия. Они намерены добиться присвоения дому статуса памятника архитектуры. Несмотря на отсутствие единодушия по поводу того, как следует использовать дом в будущем, пока удается предотвратить снос строения.

Во «ВКонтакте» была создана страница, на которой аккумулируются сведения, касающиеся истории Янкиного дома. Она обновляется и в настоящее время. Усилиями Константина Голодяева, Андрея Позднякова, Антона Лучанского и других активных горожан удалось установить ряд достоверных фактов, раскрывающих связь этого строения с ключевыми событиями города начиная с момента его постройки в 1910. В частности, были установлены имена строителей – первых владельцев дома, представителей семьи Кояковых.

Официально в доме было зарегистрировано два адреса с номерами 2 и 3, что послужило источником нумерологических мистификаций. В ходе изучения истории здания было выявлено, что в годы Великой Отечественной войны к нему был пристроен сарай, где жили беженцы из Ленинграда. Ему и принадлежал адрес под номером один. После их возвращения домой сарай был разобран, но прежняя нумерация осталась.

¹⁴ Ерохина Е.А. Есть ли будущее у кремниевой тайги? Перспективы и риски проекта «Академгородок 2.0» // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11, № 3. С. 106–110.

¹⁵ Там же. С. 114.

Кроме того, стало известно, что в соседней с Дягилевыми квартире с 1920-х гг. жила еще она легенда музыкальной жизни Новосибирска – Надежда Дезидериева-Буда, звезда оперной сцены 1940–1960-х гг. и руководитель музыкальной школы № 1, где Дягилева проходила обучение один год по классу фортепьяно¹⁶.

Творчество Дягилевой давно уже стало предметом самого пристального интереса со стороны исследователей русского андеграундного рока, литературоведов и музыковедов, культурологов и краеведов: выпущены монографии, написаны статьи, продолжаются исследования ее биографии, траекторий людей ее круга, таких как Александр Башлачев, Егор Летов и других менее известных ее товарищей. Многие из них еще живы и активно делятся воспоминаниями, поднимая из глубины забвения совсем недавние события.

В антропологии существует гипотеза, согласно которой сакральной значимостью не всегда обладают те объекты, которые могут претендовать на внимание наблюдателя. Напротив, нередко самые типичные, ничем не выделяющиеся из ряда подобных объекты вдруг наделяются особым значением. Нечто подобное, по-видимому, случилось и с ее домом, который, подобно острову, поверхность которого едва различалась в необозримом океане повседневности, неожиданно «вырос» на фоне однотипных мемориальных мест Новосибирска. Оказалось, что город имеет свою историю, своих героев, у которых есть имена.

Данный музейный проект не является завершенным. На его пути множество препятствий, среди которых – отсутствие консенсуса о том, каким должен быть музей сибирского рока. Однако уже можно убедиться в том, что проект прошел определенный путь от «поколенческого» феномена, объединившего участников общественной инициативы на интересе к яркому культурному явлению 1980-х гг., к более зрелой, ориентированной на сохранение значимых для истории города пространств идее.

Свойство мифа делать индивидуальное типическим играет двоякую роль в процессе воспроизводства и конструирования памяти: с одной стороны, миф кристаллизует единичное из общего массива воспоминаний, с другой – он выталкивает в область забвения все, что не укладывается в типическое. Напротив, способность логоса к «припоминанию» открывает возможность вырвать из забвения то, что могло бы быть им поглощено. Наделение символов коллективной памяти индивидуальным смыслом помогает осознавать включенность истории в актуальную повседневность, необходимость критически осмысливать ее и работать на будущее. Таким образом, борьба за наследие как ресурс актуального настоящего оказывается состязанием проектов будущего.

В XXI в. в «тихом» центре Новосибирска (проект по спасению дома по адресу: ул. Урицкого, 17) и за его пределами (проекты сохранения ул. Богдана Хмельницкого, микрорайона «Расточка» и др.) появилось немало объектов городской среды, претендующих на коммеморацию. Возникает закономерный вопрос о том, почему это и другие «открытия» не случились ранее? Где следует искать причину: в усталости горожан от безликой и искажающей архитектурный облик города застройки или в долгожданном рождении «гения/гениев места»? Любой ответ, институциональный или феноменологический, будет равно удовлетворительным, если его основание будет фундировано в категориях выбора, идентичности и субъективности.

Литература

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В.Г. Николаева. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.

Ерохина Е.А. Есть ли будущее у кремниевой тайги? Перспективы и риски проекта «Академгородок 2.0» // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11, № 3. С. 106–118.

¹⁶ Дом Янки, Ядринцевская, 61, Новосибирск [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/club185950291> (дата обращения: 09.11.2021).

Ерохина Е.А. Коллективная память в этническом самосознании горноалтайской молодежи // Социологические исследования. 2009. № 3 (299). С. 115–120.

Ерохина Е.А. Этноконфессиональный ландшафт Республики Алтай: глобальные вызовы и локальные ответы // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13, № 2. С. 436–454.

Запорожченко Г.М. Публичная память о лидерах сибирской науки (вторая половина XX – начало XXI века) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2021. № 2 (16). С. 11. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-2-01.pdf> (дата обращения: 09.11.2021).

Зорин А.Л. «Не бывает мифов правильных и неправильных, но бывают мифы продуктивные, а бывают – зловредные». Интервью с А.Л. Зориным // Историческая экспертиза. 2018. № 1. С. 360–367.

Касториадис К. Воображаемое установление общества / пер. с фр. Г. Волковой, С. Офертаса. М.: Гнозис; Логос, 2003. 480 с.

Красильникова Е.И. Мемориальное пространство в исторической динамике (1893–2000 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 61. С. 32–43.

Мадюкова С.А., Попков Ю.В. Феномен социокультурного неотрадиционализма. СПб.: Алетейя, 2011. 132 с.

Репина Л.П. Наука и общество: публичная история в контексте исторической культуры эпохи глобализации // Ученые записки Казанского университета. Т. 157. Гуманитарные науки. Кн. 3. Казань, 2015. С. 55–67.

Рубинштейн Т.Г., Близнюк А.Г. Материалы «Интегрального музея-квартиры повседневности Академгородка» как источниковая база для изучения истории новосибирского Академгородка [Электронный ресурс] // Интерактивное образование. Электронная газета. 2017. № 74. URL: <http://io.nios.ru/articles2/92/15/materialy-integralnogo-muzeya-kvartiry-povsednevnosti-akademgorodka-kak> (дата обращения: 09.11.2021).

Тейлор Ч. Что такое социальное воображаемое? // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2010. Т. 1, № 69. С. 19–26.

Чуркин М. К. Публичная история в России как исследовательское направление в обстоятельствах «культурного поворота» начала XXI века: стратегии и практики // VI Ядринцевские чтения: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2021. С. 94–100.

Шола Т. Мнемософия. Эссе о науке публичной памяти. Ростов Великий: ИКОМ России, ГМЗ «Ростовский кремль», 2017. 320 с.

Jasanoff Sh. Imagined and Invented Worlds // *Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power*. Chicago; London: University of Chicago Press, 2015. P. 321–342.

References

Anderson, B. (2001). *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined Communities. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism]. Moscow, KANON-press-C, Kuchkovo pole. 288 p.

Berger, P., Luckmann, T. (1995). *Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality]. Moscow, Medium. 323 p.

Castoriadis, C. (2003). *Voobrazhaemoe ustanovlenie obshchestva* [The Imaginary Institution of Society]. Moscow, Gnosis, Logos. 480 p.

Churkin, M.K. (2021). *Publichnaya istoriya v Rossii kak issledovatel'skoe napravlenie v obstoyatel'stvah "kulturnogo povorota" nachala XXI veka: strategii i praktiki* [Public History in Russia as a Research Direction in the Circumstances of the “Cultural Pivot” of the Beginning of the 21st century: Strategies and Practices]. In *VI Yadrincevskie chteniya. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Omsk, pp. 94–100.

Erokhina, E.A. (2009). *Kollektivnaya pamyat v etnicheskom samosoznanii gornoaltayskoy molodezhi* [Youths of Gorno-Altaysk: Collective Memory and Ethnic Identities]. In *Sociological Studies*. No. 3, pp. 115–120.

Erokhina, E.A. (2020). Est li budushee u kremnievoy taygi? Perspektivy i riski proekta “Akademgorodok 2.0” [Is There a Future for the Silicon Taiga? Prospects and Risks of the Project “Academgorodok 2.0”]. In *Sociology of Science and Technology*. Vol. 11, no. 3, pp. 106–118.

Erokhina, E.A. (2020). Etnokonfessionalnyiy landshaft Respubliki Altay: globalnyie vyzovy i lokalnye otvety [Ethno-Confessional Landscape of the Altai Republic: Global Challenges and Local Responses]. In *Oriental Studies*. Vol. 13 (2), pp. 436–454.

Jasanoff, Sh. (2015). Imagined and Invented Worlds. *Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power*. Ed. by Sh. Jasanoff, S.-H. Kim. Chicago, London, University of Chicago Press, pp. 321–342.

Krasilnikova, Ye.I. (2019). Memorialnoe prostranstvo v istoricheskoy dinamike (1893–2000 gg.) [The Memorial Space of Novosibirsk in the Historical Dynamics (1893–2000)]. In *Tomsk State University Journal of History*. No. 61, pp. 32–43.

Madyukova, S.A., Popkov, Yu.V. (2011). *Fenomen sotsiokul’turnogo neotraditsionalizma* [The Phenomenon of Socio-Cultural Neotraditionalism]. St. Petersburg, Aleteiya Publ. 132 p.

Repina, L.P. (2015). Nauka i obshchestvo: publichnaya istoriya v kontekste istoricheskoy kultury epohi globalizatsii [Science and Society: Public History in the Context of Historical Culture of the Globalization Era]. In *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seria Gumanitarnye Nauki*. Vol. 157, part 3, pp. 55–67.

Rubinshtejn, T.G., Bliznyuk, A.G. (2017). Materialy “Integral’nogo muzeya-kvartiry povsednevnosti Akademgorodka” kak istochnikovaya baza dlya izucheniya istorii novosibirskogo Akademgorodka [Materials of the “Integral Museum-Apartments of Everyday Life of Akademgorodok” as a Source Base for Studying the History of Novosibirsk Akademgorodok]. In *Interaktivnoe obrazovanie. Elektronnyaya gazeta*. No. 74. Available at: <http://io.nios.ru/articles2/92/15/materialy-integralnogo-muzeya-kvartiry-povsednevnosti-akademgorodka-kak> (date of access 09.11.2021).

Shola, T. (2017). *Mnemosofiya. Nauka o publichnoy pamyati* [Mnemosina. The Science of Public Memory]. Rostov Velikiy. 320 p.

Taylor, C. (2010). Chto takoe social’noe voobrazhaemoe? [What Is the Social Imaginaty?]. In *Neprikosnovennyy zapas: Debaty o politike i kul’ture*. Vol. 1, no. 69, pp. 19–26.

Zaporozhchenko, G.M. (2021). Publichnaya pamyat o liderah sibirskoy nauki (vtoraya polovina XX – nachalo XXI veka) [Public Memory of the Leaders of Science in Siberia (Second Half of the 20th – Beginning of the 21st Century)]. In *Istoricheskiy kurier*. No. 2 (16), pp. 9–24. Available at: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-2-01.pdf> (date of access 09.11.2021).

Zorin, A.L. (2018). “Ne byvaet mifov pravilnyih i nepravilnyih, no byvayut mify produktivnye, a byvayut – zlovrednye”. Intervyu s A.L. Zorinyim [“There are No Right or Wrong Myths, But There are Productive Myths, and There are Evil Myths”. Interview with A.L. Zorin]. In *Historical Expertise*. No. 1, pp. 360–367.

Статья поступила в редакцию 01.12.2021 г.